

Певец душевных отправлений 43

Гришковец освоил жанр рассказа. Это несомненно. Малая эпическая форма ему удастся вполне. «Рубашка» была неудачным романом. «Реки» — лирической нотацией. «Планку» действительно можно назвать сборником рассказов.

Николай Александров

Это не значит, что перед нами «другой Гришковец» (как озаглавил свое предисловие к книжке Петр Вайль). Гришковец все тот же.

Он все время вспоминает. Всякий предмет, достойный внимания, каждое событие, уже случившееся или случающееся сейчас, откладывается в копилку памяти. И фиксируется, оформляется словами. Это нельзя назвать рефлексией. Скорее уж это констатация: было вот так, а потом стало так. И все. Главное — не столько понять, расслышать, что шевельнулось в душе, каков был отклик на мир: погоду, человека, пейзаж, время года, ситуацию. Герои Гришковца живут в этом странном времени — в прошлом, которое переживается как настоящее.

Вот армия, служба во флоте (рассказ «Другие»). Что сохранила память: рачительного боцмана (грубый, но хороший, основательный человек), грузина Джамала Беридзе, банку с огурцами и бутылку самогона, разбитые по неосторожности. И получается в результате даже светлая картинка: простые радости, здоровое тело,

не такие уж плохие офицеры и начальники (даже страшный старпом поздравил с днем рождения, зубную щетку подарил и в увольнение отпустил). Почти идиллия.

В других рассказах — все та же армейская простота существования, все та же душевная физиология. О чем пишет Гришковец? О том, как хорошо ничего не делать летом в городе, просто смотреть телевизор дома и наслаждаться покоем («Спокойствие»). Как хорошо выспаться, даже если это счастье выпадает в Париже, куда давно мечтал поехать («Волшебная сила сна»)...

Понятно, почему Гришковец — минималист, примитивист по стилистике. Он пишет как будто для детей. Или — как школьники пишут сочинение. Простыми предложениями, с повторами. Он сторонится серьезных рассуждений, тяжелого синтаксиса. Ему интересно, как подрагивает от жизненных уколов душевная оболочка. И чтобы не испугалась душа этого разглядывания, не спряталась, Гришковец старательно изображает наивность и бесхитрость.

Евгений Гришковец. Планка. М.: Махаон, 2006. — 288 с.

